

70 лет назад, 10 апреля, Одесса была освобождена от фашистских оккупантов

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Южная Пальмира

В августе 1941 года мы уходили из Одессы. Лето стояло дождливое. Короткие и частые дожди перепадали над пустынным уже в те дни, но прекрасным городом. Теплый ветер, дувший с Босфора, мягкий левант мгновенно высушивал мостовые. От дождя оставался только знакомый всем, кто бывал в Одессе, запах нагретого моря и ноздреватого желтого известняка. Из него, как из окаменевшей пены, выстроены одесские дома.

Мы уходили, но твердо знали, что скоро вернемся в этот город — богатый и жизнерадостный, заражавший своими весельем и бодростью всю страну.

За Тилигульским лиманом мы заночевали в степи. Водитель нашей машины не спал. Он сидел на подножке грузовика, курил и смотрел на запад, где в темном небе загорались желтые бесшумные огни.

— Опять налет на Одессу, — сказал водитель. — Там бой, а здесь тихо, только кукуруза шуршит.

Водитель помолчал.

— С ума я сошел, что ли? — спросил он сам себя. — Весь день только одно воображаю: как я вернусь до себя в Одессу, на Ланжерон. Буду идти медленно, каждую калитку потрогаю, каждую акацию поглажу, посмотрю — может, она раненная немецкой ядовитой пулей. Вот так сижу и представляю себе, как малый ребенок. Смешно!

Никто ему не ответил. То, что он говорил, было совсем не смешно.

Я тоже представил себе, как я иду через всю Одессу на Французский бульвар, где в густых садах всегда кричат цикады и ветер шевелит солнечные пятна на дорожках. Иду через весь город, прогретый солнцем, на каждом шагу останавливаюсь, смотрю, вспоминаю — и от воспоминаний и морского сквозняка, дующего вдоль улиц, тяжело бьется сердце.

Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась — цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов.

Приморский бульвар. Старые платаны. Порт внизу, под откосами — огромный, дымный. Брекватер, где с утра до заката одесские старики — насмешники и ворчуны — удили на "самодуры" веселую скумбрию.

Воронцовский маяк. Карантинная гавань. Отсюда еще в 1854 году Одесса дала первый

отпор врагу. Здесь стояла батарея прапорщика Щеголева, когда к Одессе подошла эскадра Галмелена. Шесть часов батарея отстреливалась от трехсот пятидесяти вражеских орудий. Сначала из четырех своих орудий, потом — из двух и, наконец, из одного. Неприятельская эскадра ушла, озадаченная упорством русских.

Памятник строителю Одессы Ришелье. Одесситы зовут его запросто — дюком. Дюк показывает бронзовой рукой на море, как бы восхищаясь его ширью и голубизной.

Городской театр. Пушкинская улица. В июле 1941 года дом, где жил Пушкин, был разбит бомбой. Остался только небольшой кусок стены с мемориальной доской. Прислонившись к стене, лежала сломанная акация. Листья ее еще не увяли, шумели от ветра и бросали тень на мраморную доску. В этом доме был начат "Евгений Онегин".

Мосты над портовыми спусками. Плоские испанские дома. Грохот знаменитых одесских окованных дорог. Флаг над таможней. Парки, аркады, живописные старофранцузские дома Пале-Рояля, фонтаны и — куда ни взглянешь — синяя стена моря.

Одесские базары. На них надо было приходиться, чтобы смотреть и слушать. Смотреть на горы мокрых от росы помидоров, баклажанов, перцев, абрикосов, дынь, на глыбы зеленоватой брынзы и плоскую камбалу на обитых жестью прилавках. Слушать брызжащие весельем разговоры продавцов и покупателей.

Приморский бульвар, артиллеристы соединения гвардии полковника Ефимова производят салют в честь освобождения Одессы, 1944 г.

Фото предоставлено Интернет-проектом "Старая Одесса в фотографии", www.viknaodessa.od.ua.

Василий ГРОССМАН

Годы войны

(Страницы дневника)

Одесса

День взятия Одессы. Пересыпь. Пустынный порт. Клубы дыма. Грохот военной техники, вливающейся в город. Толпы людей.

Из здания гестапо выносятся обгоревшие трупы. Обуглившийся труп девушки с сохранившимися роскошными золотистыми волосами.

Первое заседание Одесского обкома. Секретарь обкома меня приглашает. Впервые я, беспартийный, присутствую на подобном заседании.

Много продуктов — сахар, пирожные, мука. Население ругает румын неохотно, из вежливости.

Одесские старики на бульваре. Их фантастические разговоры о полной реорганизации Советской власти после войны.

Поэт, напечатывавший при румынах книгу стихов "Я сегодня пою". Его разговор со мной. Крайне противный. Вижу — под окном стоит его мать. В ее глазах безумный ужас за сына.

Евреи. Айзенштат Амнос — сын знаменитого раввина из местечка Островец. Ему спасла жизнь русская девушка, скрывала его у себя в комнате больше года. Его рассказ. Гетто в Варшаве. Восстание. Оружие передавали поляки. Польские евреи носили белую ленту. Бельгийские и французские евреи носили желтую ленту.

Треблинка под Варшавой. Лагерь уничтожения евреев. Под баней была камера с движущимися ножами. Тела рубили на куски, а затем сжигали. Горы золы по 20 — 25 метров. В одном месте евреев загнали в пруд, заполненный кислотой. Крики были так страшны, что окрестные крестьяне покинули дома.

58000 одесских евреев были сожжены заживо в Березовке. Часть — в вагонах, часть вывели на поляну и, облив бензином, сожгли.

Рассказ секретаря обкома Рясенцева. Местом казни евреев являлась Доманевка. Казнь осуществлялась руками украинской полиции. Начальник полиции в Доманевке лично убил 12000 человек. В ноябре 1942 года Антонеску издал закон, дарующий евреям права, и массовые казни, длившиеся весь 1942 год, прекратились. Начальник доманевской полиции и 8 его ближайших сотрудников были арестованы румынами, отвезены в Тирасполь и там судимы. Суд приговорил их за незаконные действия по отношению к евреям к трем месяцам принудительных работ.

Особо бесчинствовал следователь, одесский юрист, русский — он для развлечения убивал 8 — 9 человек в день. Это называлось "ходить на охоту". Убивали партиями. Пулеметным огнем. Детей бросали живыми во рвы, усталые горячей соломой.

К моменту издания закона Антонеску в Доманевке осталось в живых около 380 одесских евреев и детские ясли на 40 человек. Они живы по сей день, раздеты, голы. Казнею было в Доманевке около 90000 одесских евреев.

Помощь оставшимся оказывал еврейский комитет в Румынии. Казни подвергались кроме одесских и румынские евреи. Их обманым путем привозили в Доманевку. Так был казнен один из крупнейших румынских миллионеров. Его закрутили в Доманевку под предлогом организации эксплуатации местных керамических глин.

Среди участников пыток и казней были три еврея, они сейчас арестованы.

В Одессе евреев собрали, а затем отпустили. Потом их снова согнали в гетто на Слободку, 10 января 1942 года. Был сильный мороз, и, когда их гнали из гетто к поездам, на улице валялись сотни трупов стариков, детей, женщин.

Владимир РУДНЫЙ

Фронтной дневник

10 апреля. Сегодня Одессу очистили от врага. Как и хотел Виктор Медведев, город заняли в солнечный день. Вчера к концу дня бойцы генерал-полковника Цветаева прорвали оборону немцев на перешейке между Куляницким лиманом и побережьем и вышли на северо-восточную окраину Одессы. Артиллеристы получили возможность держать под огнем выход из Одесского порта. Петр Захарович Базилевич, подполковник, начальник артиллерии Одесской военно-морской базы, рассказал мне: "17 марта вместе с Краснознаменным Новороссийским Отдельным подвижным артиллерийским дивизионом Солуянова мы добрались по бездоро-

жью в Чолбасы на пути в Херсон. Неделя спустя удалось переправиться через Днепр — бензина не было. Слились со всех машин бензин для одной батареи, но к Николаеву не успели. 6 апреля пришел долгожданный флотский бензовоз, заправил машины только одной батарее — старшего лейтенанта Бирюкова, это позволило нам догнать 5-ю армию, мы явились к генералу Цветаеву, он обрадовался морякам, поставил нам задачу занять в Старо-Дофиновке позиции и бить по удирающим из Одессы оккупантам". В 13 часов 20 минут 9 апреля батарея Бирюкова открыла огонь по каравану быстроходно-десантных барж, выходящему от Воронцовского маяка. Сразу

же были потоплены две баржи. Батарейцы видели, как взорвался нефтепирс в гавани, а за ним и таможенная гавань. Бухту окутал сплошной дым. Надо бы помочь разрушению порта, но на позиции стояла только одна морская батарея, она справлялась лишь с блокированием выхода из гавани. Опять неповоротливость тыла. На эти темы и летчики, и десантники, и артиллеристы разговаривают со мной охотнее, чем на любые другие. Рассчитывают на помощь газеты, понимают, что начался новый этап войны и для флота — возвращение на базы. Мне рассказали еще в Скадовске такой случай: из Поти в Скадовск от начпроды главной базы подполковник С. пришла директива вернуть пустые бочки изпод квашеной капусты, в противном случае скадовцы будут сняты со снабжения. Подумать только: еще в Крыму держится группировка противника, транспорт занят перевоз-

кой войск, снарядов, эвакуацией раненых, а начпрод требует загрузить железную дорогу пустыми бочками из-под капусты и отправить их вокруг света в Поти. Написал об этом фельетон и послал несколько дней назад редактору вместе с докладной запиской о художествах флотского тыла. <>

Побывали всем корреспондентским корпусом на знаменитой одесской лестнице, всем памятной по фильму "Броненосец "Потемкин", у памятника Пушкину, постояли над бухтой — там что-то пылает и рвется — и заняли "позиции" в доме № 15 по Греческой улице. Весь дом "оккупирован" представителями московских газет. С Василием Гроссманом и Володей Лясковским из "Комсомольской правды" живем на втором этаже, в квартире у старой одесской машинистки, она сохранила машинку "Ремингтон" и охотно для нас печатает.